

В. КИПАРСКИЙ

О БАЛТИЗМАХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

За последнее десятилетие сильно возрос интерес к славяно-балтийским отношениям, которые в прошлом изучались несколько односторонним образом: с точки зрения славянских заимствований в литовском, латышском и древнепрусском языках, или же для решения всё ещё спорного вопроса о существовании славяно-балтийского (или балто-славянского) праязыка. Теперь же стали ставить вопрос о балтийских заимствованиях в славянских языках. Наилучшим изложением этого вопроса является пока статья А. Сабалиускаса¹, перечисляющая установленные до того времени балтизмы русского, белорусского и польского языков, включая и их диалекты. Несколько лет спустя АН БССР организовала анкету по вопросу о лексических балтизмах белорусского языка, которая была разослана русским, белорусским, латышским, польским, румынским и финляндским специалистам. Результаты анкеты были опубликованы в специальной брошюре под редакцией В. В. Мартынова². Однако, насколько мне известно, до сих пор ещё не было опубликовано специального исследования, посвященного балтийским заимствованиям в русском литературном языке (не в диалектах). Трудность изучения славянских заимствований в балтийском и балтийских в славянском очевидна, т.к. при сравнительной близости этих языков часто происходит т.н. „пересчет“ или адаптация, которой раньше не придавали должного значения. В своё время Брюкнер считал, что даже напр. лит. *bāsas*, *bóba* и т.п. слова являются славянскими заимствованиями³, т.к. в них можно было усмотреть такой же „пересчёт“, как напр. в лит. *notūrà*, *madà* в сравнении со слав. *натѹра*, *мóда*. О результатах такого „пересчёта“ и прочей адаптации в топонимах даёт очень хорошее представление исследование Юргена Принца⁴. Для имён нарицательных такого исследования ещё нет.

¹ А. Sabaliauskas, *Slavų kalbų baltizmai*, — LKK VIII (1966) 84–89.

² Лексічныя балтызмы у беларускай мове, Мінск, 1969.

³ А. Brückner, *Die slavischen Fremdwörter im Litauischen*, Weimar, 1877.

⁴ J. Prinz, *Die Slavisierung baltischer und die Baltisierung slavischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suwalki*, Wiesbaden, 1968.

Как я уже неоднократно указывал⁵, несмотря на то, что продвигавшиеся на север древнерусские племена ассимилировали или вытесняли племена балтийские, о чём свидетельствуют многочисленные топонимы и гидронимы балтийского происхождения на территории современной Белоруссии⁶, в литературном русском языке очень мало заимствований из балтийских языков. Найденные в белорусском языке и в западнорусских диалектах балтизмы сравнительно недавнего происхождения, в чём можно легко убедиться путём их историко-лингвистического анализа, который проведен мною ещё в 1964 году (см. примеч. 5). Правда, Топоров и Трубачев (см. примеч. 6, стр. 21) справедливо замечают, что „многие из этих заимствований нельзя объяснить поздним проникновением, так как они распространены на территориях, не имеющих общих границ с балтийскими языками“, но они не принимают во внимание огромную подвижность русского населения, которое заносит напр. сравнительно поздние заимствования из карельского вплоть до Восточной Сибири, так что балтизмы, попавшие в русские диалекты напр. в XVI веке, вполне могут оказаться где-нибудь у Белого или у Каспийского моря в XIX-м.

Однако, в русском литературном языке есть несколько слов, которые можно объяснить только как счень древние заимствования ещё может быть т.н. „прарусской“ эпохи VIII-X-го веков из какого-то балтийского языка. Эти слова следующие:

Дёготь. Если бы это слово было исконно славянским или было бы образовано путём „пересчёта“, то мы имели бы в русском* *жёготь* от древнерусского *жегу*, как лит. *degūtis* от *degū*. Поэтому заимствование из балтийского более вероятно, см. главным образом у Славского⁷. Противники теории заимствования указывают на „древнечеш.“ *dehet*, но эта форма засвидетельствована главным образом в глоссарии *Mater Verborum*, где встречаются подделки XVIII–XIX веков. Заимствование из балтийского произошло во всяком случае ещё до перехода *ъ > o/e*, т.е. до конца XI-го века.

Пакля. Это слово не имеет славянской этимологии, но очень хорошо объясняется из балтийского (лит. *pākulos* ‘пакля’), см. Сабалаяускас (примеч. 1), при условии, что заимствование произошло до выпадения слабых еров: *pakulos > *пакъля > пакля*, т.е. до конца XI-го века.

Ковш. Преобладающее большинство этимологов согласно объясняют это слово как старое заимствование из балт. (лит.) *káušas*. При „пересчёте“ следовало бы ожидать русск. **куш* (как напр. лит. *draūgas* ~ русск. *друг*)

⁵ ZfslPh XXXI (1964) 433.

⁶ Ср. главным образом исследование В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Москва, 1962.

⁷ F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego, I, Kraków, 1952–1956, 194.

и действительно в польских текстах XVI века засвидетельствовано *kusz(yk)*⁸, представляющее, может быть, более древнюю форму. Позднее, когда „пересчёт“ *ai ~ у* был забыт, возникла более новая форма *ковиш*, соответствовавшая напр. соотношению *Ковно ~ Kaunas*. В русском языке *ковиш* засвидетельствовано в 1357 г., но, вероятно, заимствовано ещё раньше. Относительно этимологии литовского слова ср. Ю. В. Откупщиков, — *Baltistica*, VI 185—192.

Кувшин. По всей вероятности заимствовано из балт. **kaušīnas*, которое относилось бы к лит. *káušas*, как напр. лит. *kalnūnas* к лит. *kálnas*. Форма с *-у-* вместо **ковшин* отражает, может быть, ещё более старый „пересчёт“ *ai ~ у*. Засвидетельствованная в диалектах форма *кукишин*, вероятно, вторичная, хотя и записана уже в Домострое XVI века.

Янтарь. Если бы это слово было заимствовано прямо из лит. *gintāras*, следовало бы ожидать русск. **жатор* при очень старом „пересчёте“, ср. напр. лит. *giñti ~ русск. жать*, или **гинтар(ь)* при очень новом, ср. литовские имена с *gim-*, *gin-* в первой части, которые передаются в русских источниках через *Гим(бут)*, *Гин(дул)* и др. Источником русск. *янтарь* была, по-видимому, записанная Нессельманном форма *jentaras*, *gentaras*, попавшая в русский язык сравнительно поздно, когда уже более не было носовых гласных и из **jentar-* не могло более получиться **ятар-*, как напр. из древнесканд. *ankari* получилось русск. *якорь*.

Ендова, яндова. Если бы лит. *indaujà*, из которого заимствовано это слово, попало в русский язык до исчезновения носовых гласных, то мы имели бы или **ядова* (ср. выше *якорь < ankari* или русск. *Варяг < древнесканд. *váringr*) или, в несколько более поздний период, **идова* (ср. русск. *Игорь < древнесканд. Ingvarr*, древнерусск. *Емигъ < древнесканд. Hemingr*). Засвидетельствованное в 1551 г. *яндова* попало в русский язык, по-видимому, приблизительно в то же время как и *янтарь*, может быть, не прямо из лит. *indaujà*, а через посредство какого-нибудь другого языка, ср. записанное в 1670 г. в Данциге: *czara albo jandula* (у Брюкнера).

Вентерь. Это название рыболовной снасти настолько неясно, что напр. Словарь современного русского литературного языка в 1951 г. выводил его из лат. *venter* „желудок“, а Брюкнер в своё время считал лит. *vėnteris* ‘рыболовная снасть’ славянским заимствованием⁹. Однако, современные составители этимологических словарей, как Френкель так и Фасмер/Трубачев считают, что русск. *вѣнтерь* и употребляющееся в том же значении диал. *вятерь* заимствованы из лит. *vėnteris*. Если эта этимология правильная, то

⁸ Op. cit., III (1966—1969) 22—23.

⁹ V. Kiparsky, — *RESL* XXIV (1948) 39.

вятерь является самым старым балтизмом русского языка, заимствованным ещё до исчезновения носовых гласных. В литературный язык проникла однако только более поздняя форма *вентерь*.

Валáндаться. Образовано от бытующего в говорах *валáнда* 'вялый, мешкотный человек', которое считается заимствованным из лит. *valandà* 'краткий отрезок времени', в современном литературном языке 'час'. Заимствование безусловно позднее, т.к. при раннем ожидался бы „пересчёт“ **волуда*.

Балáнда. Некоторыми русскими писателями это слово употребляется в значении 'тюремная похлебка', но в Словаре современного русского литературного языка не приводится. По́видимому, оно заимствовано из лит. *balánda* 'различные сорта *Chenopodium*, съедобных, но не очень ценных растений'; заимствование позднее, т.к. при раннем ожидался бы „пересчёт“ **болуда*.

Остальные слова балтийского происхождения, вошедшие в русский литературный язык, а именно *клуня* 'рига', *скирд(а)* и *курны* 'особого рода лапти'¹⁰, не дают никаких данных для хронологии заимствования.

В итоге мы установили 12 балтизмов, известных русскому литературному языку. Ни один из них не относится к числу слов высокой частотности, т.е. не встречается в таблицах Йосселсона¹¹, хотя *дёготь*, *ковш*, *кувшин*, *янтарь* и теперь известны каждому образованному русскому. Только о двух словах (*дёготь*, *накля*) можно с уверенностью сказать, что они заимствованы до выпадения и вокализации глухих, т.е. до конца XI-го или начала XII-го века, и только одно (диал. *вятерь*) может быть заимствовано до исчезновения носовых гласных, т.е. до конца IX-го века, или, во всяком случае, еще во время существования „пересчёта“ *-ент-/-ят-*. Относительно *баланда*, *валанда* можно, наоборот, утверждать противное, т.е. что они заимствованы после исчезновения носовых гласных.

¹⁰ В. О. Unbegaun, Ein baltisches Lehnwort im Moskovitischen Rußland, — WdSl VII (1962) 346—349.

¹¹ Н. Josselson, The Russian Word Count, Detroit, 1953.